

Да здравствует XVIII годовщина Великой пролетарской революции в СССР.

Ленинская СМЕНА

Орган Горьковского Крайкома и Горкома ВЛКСМ

Ноябрь 4
1935 г.
№ 201

Да здравствует великое, непобедимое знамя Маркса, Энгельса, Ленина!

Да здравствует ленинизм!

ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

23 октября 1917 года на заседании ЦК большевиков впервые после июльских дней присутствовал Ленин. По его предложению Центральный комитет признал, что «вооруженное восстание неизбежно, и вполне назрело, и для политического руководства восстанием создал борьбу из семи руководителей партии».

Неделю спустя был создан революционный центр для организационного руководства восстанием во главе с тт. Сталиным и Свердловым.

С этого момента подготовка вооруженного восстания стала на практические рельсы, и в истори-

ческий день седьмого ноября над страной вихрем пронеслись громовые раскаты начавшейся пролетарской революции.

События этого великого дня резко подчеркивают титаническую силу большевиков, их неподражаемое искусство в организации вооруженного восстания пролетариата. Они подчеркивают величие и силу организаторов и руководителей октябрьского переворота Ленина и Сталина.

Октябрьская революция служит примером и знаменем братских компартий, героически борющихся за советскую власть против фашизма.

События дня революции должны хорошо знать советская молодежь, чтобы уметь достойно оценить заслуги наших отцов: перед нами, счастливыми гражданами прекрасной страны, перед миллионами трудящихся, освобожденных от рабского прошлого, перед мировым рабочим классом, на горизонте которого возникла бодрящая и зовущая к борьбе за счастье путеводная звезда коммунизма — Союз Советских Республик.

Изучая события дня революции, читая доклад тов. Ленина, на заседании Петроградского совета, статью тов. Сталина, опубликованную накануне октябрьского восстания и статью тов. Молотова, молодежь поймет, ценой каких гигантских усилий большевики обеспечили успех революции в стране, истерзанной длинными годами кровопролитной войны.

Вдумываясь в смысл декретов о

мире и земле, принятых вторым Всероссийским съездом советов в первый же день пролетарской революции, молодежь научится еще лучше понимать значение большевизма в защите прав всего трудового народа, в защите мировой культуры и цивилизации от буржуазного варварства.

Октябрьский переворот — ярчайшее событие в истории человечества. И пусть вся наша молодежь знает, как большевики в исторический день седьмого ноября 1917 года с оружием в руках завоевали счастье миллионов.

СТАЛИН. Скульптура С. Меркурова

И. В. СТАЛИН

ЧТО НАМ НУЖНО?

В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым, Львовым, Гучковым и Коноваловым.

Это была роковая ошибка победителей. За эту ошибку расплачиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу.

Свергая царя, рабочие думали получить хлеб и работу. Но вместо этого они «получили» дорогоизнину и голод, локауты и безработицу. Почему?

— Потому что в правительстве сидят ставленники капиталистов и спекулянтов, которые хотят взять рабочих измором.

Свергая царя, крестьяне думали получить землю. Но вместо этого они «получили» аресты своих депутатов и карательные экспедиции. Почему?

— Потому что в правительстве сидят ставленники помещиков, которые ни за что не уступят крестьянам.

Свергая царя, солдаты думали получить мир. Но вместо этого они «получили» затяжную войну, которую хотят к тому же оттянуть еще до будущей осени. Почему?

— Потому что в правительстве сидят ставленники англо-французских банкиров, которым невыгодно «скорое» окончание войны, которые грабительски нацикливаются на войне.

Свергая царя, народ думал, что месяца через два-три созовут Учредительное Собрание. Между тем, созыв Учредительного Собрания раз был уже отложен, и теперь явно готовятся враги к его окончательному срыву. Почему?

— Потому что в правительстве сидят враги народа, которым не выгоден своевременный созыв Учредительного Собрания.

После победы революции власть осталась в руках помещиков и капиталистов, банкиров и спекулянтов, скупщиков и мародеров, — вот в чем роковая ошибка рабочих и солдат, вот где причина нынешних бедствий в тылу и на фронте.

Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян.

Нужно нынешнее самозваное правительство, народом не избранное и перед народом не ответное, — заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кицкайна — Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.

Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода.

— Рабочие, солдаты, крестьяне, казаки, все трудающиеся!

Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти новое правительство рабочих и крестьян?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обвили, согласно требованию крестьян, отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли, без выкупа крестьянским комитетам?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало вконец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дорогоизнину?

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ЭТОГО — соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них Съезду Советов, который открывается завтра в Смольном.

Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованное и мощнее выступите вы. И вся страна пойдет тогда смело и твердо и завоеванию мира народам, земли крестьянам, хлеба и работы голодающим.

Власть должна перейти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

К. СТАЛИН.

НА ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

В кружок, в школу!

Берут обязательство руководить политшколами и закрепляются на длительные сроки:

Активисты Сормовского района: Ермаков, Матвеевская и Ефремов (райком), Никитин (судоверфь), Кокурина (зав. 26 коммунарами).

На Мише — секретарь РК Сарбаев, зав. отд. политучебы Климов, активисты Нахалов, Кармановский, Скибарко.

Еще издали слышатся песни, звуки оркестра, жизнерадостный смех. Так встречал зал «Спартака» ровесников Октября и участников Октябрьского переворота. Солько энергии, молодого задора в этих песнях и движениях!

Вставая, бурно рукоплещет зал, когда произносится имя любимого вождя тов. Сталина, избирающегося вместе с другими членами Политбюро включенный президиум.

В зале стихло. На трибуне участник Октябрьского переворота тов. Дурасов.

— Я несказанно счастлив смотреть на вас, счастливое племя. Отбыла десять лет каторжной тюрьмы. Под перезвон кандалов на каторге мы готовились к новым боям. Нас было тогда немного. И вот пришел Октябрь. Учась у Ленина и Сталина, мы победили.

Старая большевичка тов. Лаптева рассказала, как тяжело жило младежи раньше. И как бы в ответ на ее речь прозвучал приятный голос ровесницы Октября Зоя Кузнецовой:

— Я не испытала жуткого прошлого. Все восемнадцать лет из жизни я в день были счастливейшими годами моей жизни.

Я хочу быть хорошим педагогом и добиться этого.

Комсомолец-пилот Кочурин сказал:

— 10 августа 1935 года был самый счастливый день моей жизни. В этот день я на «отлично» совершил первый самостоятельный полет.

Самым счастливым из счастливых передал привет секретарь Крайкома ВЛКСМ К. Белобородов.

Под бурные овации были принятые приветствия товарищам Сталину, Прамнэку и А. Косареву.

ОКТЯБРЬСКИЙ ШТУРМ.

1. Наступали боевые дни.

День 7 ноября

ЧАС ЗА ЧАСОМ

ФФ В. И. Ленин почти весь день проводит в военно-революционном комитете при Петроградском совете и руководит работой по проведению вооруженного восстания.

ФФ Вышедшая в этот день газета большевиков «Рабочий путь» (вместо закрытой «Правды») публикует статью Ленина «Новый обман крестьян партии эсеров», воззвание военно-революционного комитета к солдатам, рабочим и гражданам о борьбе с наступающей контрреволюцией. Кроме этого опубликовано постановление военно-революционного комитета об открытии типографии революционных газет, список воинских частей и заводов, принявших революцию за переход всей власти в руки Советов и список полковых частей, где находятся комиссары ВРК Петровского.

ФФ В ночь на 25 октября красногвардейский отряд Металлического завода поступил в распоряжение штаба Красной гвардии Выборгского района.

ФФ В 1 час 10 минут получено сообщение о занятии матросами телеграфного агентства. Пятнадцать минут спустя матросы и кексгольмцы заняли почтamt, а затем были заняты Балтийский и Николаевский вокзалы, осветительные учреждения и некоторые мосты. Ночью революционные войска отразили попытки белогвардейцев вернуть телеграфное агентство и главный телеграф.

ФФ В 3 часа ночи заставы Павловского полка задержали грузовик с юнкерами, а комиссар Кексгольмского полка по телефону предложил управляющему телефонной станцией немедленно выключить телефоны Зимнего дворца и штабы округа.

ФФ Из Гельсингфорса выехал в Петроград первый эшелон моряков, затребованный военно-революционным комитетом. Полчаса спустя крейсер «Аврора» вошел в Неву и отдал якорь у Николаевского моста. Юнкера, охранявшие мост, сбежали.

ФФ В 4 часа Кексгольмский полк выстал отряд для занятия телефонной станции.

ФФ В 6 часов утра команда моряков в 40 человек заняла Государственный банк.

ФФ В 8 часов утра занят Варшавский вокзал и типография «Биржевых ведомостей». Рабочие фабрики Шапошникова заявили о полной поддержке советов и своей готовности встать под знамя революции.

ФФ Около 9 часов семь рот Кексгольмского полка выступили для занятия подступов к Зимнему дворцу.

ФФ В 10 часов военно-революционный комитет специальным воззванием «К гражданам России» объявил о переходе государственной власти в руки Петроградского совета.

Из Кронштадта на поддержку восставшим вышел заградитель «Амур» с отрядом моряков, а на баржах и пароходах выехал сводный отряд рабочих, матросов и солдат. С этим отрядом на правах комиссара ехали 8 представителей Кронштадтского совета.

ФФ В 11 часов по приказу ревкома освобождены из тюрьмы — Решаль, Захаров, Хаустов, Толкачев, Савкин, Буров и Силоев.

ФФ Около 12 часов революционные войска окружили Мариинский

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызывали
Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.
... Видят
редких звезд глаза
окружают
Зимний
в кольца,
по Мильонной,
из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич,
гримированный,
мечет шапки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
доброму оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.
Отряды рабочих,
матросов,
голи, —
дошли,
штыком домерцев,
как будто
руки
сошлись на горле,
холеном

горле
дворца.
Две тени встало.
Огромных и шатких,
Сдвинулись,
Лоб-о-лоб.

И двор
дворцовый
руками решотки
стиснул
торс
толп.

Качались
две
огромных тени
от ветра
и пуль скоростей, —
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.

... Первым,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батареи
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...

А Керенский —

спрятался, попробуй —

вымань его!

Задумывалась
казачья башка.

И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.
И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.
А из-за Николаевского
чугунного моста,
как смерть,
глядят
неласковая,
Аврорых
башен
сталь.

И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.
Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал
Кто длинный такой...
Дотянуться смог.
По каждому
из стекол
удары палки.

Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху
город
как-будто взорван:
бабахнула
шестидюймовка Авроры.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак,
— ДОЛОЙ!
НА ПРИСТУП!
ВПЕРЕД!
На приступ!

Ворвались,
На ковры!
Под раззолоченный кров,
Каждой лестницы,
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.
Как-будто
водою
комнаты полны,
текли
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями оранной
монархам
несущим
короны-клады, —
бархатными залами,
раскатистыми коридорами
громели,
бились
сапоги и приклады.

... Топот рос

и тех

тринацать

сгреб,

забил,

зашиб,
затыкал.
Забились,
под галстук
— за что им приняться.
Как-будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер —
«драться глупо».
Тринадцать визгов.
— Сдаваться!
Сдаваться!
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...

И в эту
тишину,
раскатившийся всласть,
бас
окрепший,
над реями рея —
«Которые тут временные?»
Слезы!
Кончилось ваше время!»
И один
из ворвавшихся,
пенсишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном.
«Я,
председатель реввоенкомитета
Антонов,

временное
правительство
объявляю низложенным».
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.

Впервые
вместо
— И ЭТО БУДЕТ... —
пели:
И ЭТО ЕСТЬ
НАШ ПОСЛЕДНИЙ... —
До рассвета
осталось
не больше аршина, —
руки
лучей
с востока взмолены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Конечно...
в Смольный».

Умолк пулумет.
Угодил толков.
Умолкнул
пуль
звенящий улей.
Горели,
как звезды,
грани штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызывали,
гонку
свою
продолжали трамы,
уже —
при социализме.
Владимир МАЯКОВСКИЙ.
(Из поэмы «Хорошо»).

2. Уже матрос Железняк разговаривает учредилку

День 7 ноября

ЧАС ЗА ЧАСОМ

дворец, и час спустя разогнали находившийся там Совет республики (предпарламент). В это же время был занят военный порт с его радиостанцией, Новое и Главное адмиралтейство и арестован штаб.

ФФ В середине дня красногвардейцы Металлического завода и завода Розенкранца разоружили юнкеров Михайловского артиллерийского училища.

ФФ В 2 часа 35 минут открылось экстренное заседание Петроградского совета, на котором выступил впервые появившийся открыто Ленин. Он объявил Временное правительство низложенным и провозгласил ближайшие задачи власти советов.

ФФ В 3 часа 15 минут отряд Павловского полка занял Полицейский мост и прекратил движение по Невскому проспекту. На мосту установлены два броневика с пулеметами и автомобиль с трехдюймовым орудием. Через полчаса революционные войска заняли Казанскую площадь, затем постепенно стали окружать Зимний дворец.

Зарегистрировано 560 делегатов, прибывших на съезд советов, среди них 382 большевика.

ФФ Около 5 часов дня, кексгольмцы заняли помещение военного министерства. Начальник политического отдела военного министерства граф Толстой говорил по прямому проводу с командованием Северного фронта о присыпке войск для подавления восстания в Петрограде.

На углу Морской и Невского около Цепного моста и на углу у Невского появились броневики военно-революционного комитета.

С 6 часов вечера в Зимний дворец никто не пропускали.

ФФ В 6 с половины часов вечера в штаб округа прибыли самокатчики, уполномоченные комитета Петропавловской крепости и предложили сдать штаб в течение 20 минут, угрожая в противном случае обстрелять его из орудий крепости и с судов.

ФФ К 7 часам вечера Зимний дворец был со всех сторон окружен революционными войсками.

В 9 часов из орудий Петропавловской крепости и с «Авроры» скрыт огонь по Зимнему. Защитники Зимнего (три казачьих сотни, женский батальон, группа ударников, батарея Михайловского арт. училища с шестью орудиями и броневик «Ахтырец») на Дворцовой площади строят баррикады из дров. Член военно-революционного комитета Чудновский отправился в Зимний для переговоров и был там арестован, а затем освобожден.

ФФ В 10 часов 40 минут вечера в Смольном открылся второй Всеобщий съезд советов. Съезд принял обращение к рабочим, солдатам и крестьянам о переходе власти к советам.

ФФ В 11 часов возобновился обстрел Зимнего дворца. В помещение дворца проникли отдельные группы красногвардейцев и начали разоружение юнкеров.

ФФ В 2 часа ночи Зимний дворец был целиком занят революционными войсками, защитники Зимнего разоружены и арестованы в Зимнем дворце министры Временного правительства направлены в Петропавловскую крепость.

ФФ Взятием Зимнего дворца был уничтожен последний оплот правительства Керенского.

Смольный и Зимний

(Отрывок из воспоминаний)

Поздно вечером, когда революционные войска, вставшие на сторону большевиков, перешли к осаде Зимнего дворца, в Смольном явилась делегация городской думы во главе с ее председателем эсером Шрейдером. Делегация обратилась к военно-революционному комитету, руководившему восстанием, с просьбой предоставить ей возможность направиться в Зимний дворец, чтобы предложить заставшим там министрам временного правительства, прекратить сопротивление.

Это был момент, когда октябрьское восстание находилось в высшей точке своего развития.

В Смольном только что открылось историческое заседание второго съезда советов, на котором большевики вместе с левыми эсерами имели, правда, небольшое большинство.

Весь революционный Петроград, заводы и почти все казармы уже были связаны с военно-революционным комитетом. В Петрограде уже установилась фактическая власть военно-революционного комитета, руководившего восстанием из Смольного. Революционные рабочие и солдаты, под руководством нашей партии и военно-революционного комитета, овладели правительственными учреждениями, почтой, телеграфом, электрической станцией. Оставался Зимний дворец, где база Керенского.

Остатки временного правительства пытались закрепиться в Зимнем дворце и, опираясь на белогвардейские организации, контрреволюционные «баталионы смерти» и юнкеров, остановить или, по крайней мере, оттянуть сдачу временного правительства. Как теперь выяснилось, в концу дня 24 октября Керенский уже бежал из Зимнего для того, чтобы вместе с белыми генералами начать немедленное наступление на Петроград. В Зимнем, однако, еще оставалось несколько министров — это все, что оставалось от правительства Керенского в Петрограде. Взятие Зимнего революционными войсками означало окончательную ликвидацию временного правительства, уничтожение его остатков.

В этот момент друзья временного правительства безнадежно ухватились за эсеровско-кадетскую городскую думу. Там собирались почтенные думцы, среди которых преобладали эсеры, меньшевики и кадеты — все ярые враги октябрьского переворота, и все в этот момент глупо безнадежные, отброшенные событиями от большой исторической дороги.

Находясь в центре Невского, в районе главных боевых действий, они не могли не видеть приближающегося конца Керенского; они вместе с тем не могли не почув-

ствовать, что у них нет никакой связи и опоры в массах.

До смерти перепуганные, запутавшиеся в событиях, взбешенные успехами большевиков и, вместе с тем, жаждые в своей никудышности, они смогли думать только о каких-нибудь искусственных попытках выхода из тупика. Никому ненужные, незнающие, что делать с собой, они, однако, и в этот момент не хотели отказаться от политической театральности.

Они не смогли придумать себе никакой роли, кроме как роли посредников между Смольным и Зимним, в момент, когда между Смольны и Зимним уже были сожжены не только мосты, но когда были уже порваны последние провода, соединявшие Зимний дворец с какой бы то ни было частью Петрограда. Желая, якобы, прекратить пролитие крови «в братоубийственной» борьбе, думцы делали последнюю попытку сыграть какую-нибудь роль в спасении Зимнего от позорного разгрома и прямой сдачи. Они хотели не только спасти жизнь своим друзьям в Зимнем дворце, но хотели предупредить позор полного разгрома и сдачи последней позиции временного, а лучше сказать, кратковременного правительства.

Именно в этот момент в Смольном появились жалкие фигуры нескольких думцев с предложением посредничества между Смольным и Зимним. Беспомощность вчерашних представителей власти и беспечность их попытки для Смольного сразу были ясны. Однако, имея на своей стороне полный боевой и не менее полновесный моральный перевес, Смольный не считал нужным препятствовать попытке осуществить это предложение.

Это был момент, когда наша «Аврора» начала обстрел Зимнего дворца из тяжелой артиллерии. Царский дворец, а затем квартира и база Керенского, столь ненавидимые революционными матросами, уже доживали свои последние минуты.

Однако, попытка уйти от позорного конца была слишком сильна у друзей последней буржуазного правительства, оставшихся в Зимнем.

Выходя из автомобиля, мы спрашиваем начальника патруля. Появляется знакомый мне по револю-

Революция в оценке врача

Большевистский переворот

Власть падала из слабых рук Временного правительства, и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной единственной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы. Этим фактом в октябре 1917 года был пронизнесен приговор стране, народу и революции.

...Вопрос решался, конечно, не речами, а реальным соотношением сил. Когда 25-го в столице началось вооруженное столкновение, на стороне правительства не оказалось никакой вооруженной силы. Несколько военных и юнкерских училищ вступили в бой не во имя правительства, а побуждаемые к тому сознанием общей большевистской опасности; другие, считав-

даже в глазах прямых его врагов. ЦК нашей партии, скромно расположившийся в одной из комнат нижнего этажа Смольного, быстро обсудил предложение думцев. Центральным комитетом решено было предоставить Шрейдеру и его группе сделать попытку направиться в Зимний с предложением сложить оружие и подчиниться proletarskoy власти. Этот ответ через военно-революционный комитет был тотчас передан Шрейдеру и его спутникам. Военно-революционный комитет, членом которого состоял, поручил мне сопровождать думцев.

Помню, как мы уселись во дворе Смольного в автомобиль Шрейдера. Всего отправилось пять — шесть человек.

Это было уже часов в 11—12 ночи. Освещая фонарями автомобиля мокрую темную дорогу, мы прообрались по Суворовскому проспекту на Невский.

Там и тут раздавались выстрелы, временами треск пулемета.

Выбрались на Невский. Чуть не на каждом шагу патрули военно-революционного комитета останавливали автомобиль, мы показываем свои удостоверения и едем дальше.

Около городской думы Шрейдер просит сделать остановку. Останавливаются. Шрейдер уходит в думу, чтобы сообщить о том, что с согласия военно-революционного комитета, он вместе с другими делегатами думы направляется в Зимний на переговоры.

После этого едем дальше.

Чем дальше по Невскому, тем больше волнуется седой Шрейдер и трое-четверо его почтенных спутников. Треск ружейной и пулеметной стрельбы повторяется чаще и резче. Стреляют как-будто со всех сторон. На улицах там и тут мелькают небольшие кучки народа. Долетают отдельные возгласы, какие-то крики. Встречаются то и дело новые патрули. Настроение моих спутников делается все больше настороженным и прямо тревожным.

Приближаемся к Мойке, которая в этот момент была чем-то вроде границы, отделяющей нас от сопротивляющегося с оружием в руках противника.

Здесь, у моста Мойки, нас останавливает большой патруль. На углу улицы горит костер — греются солдаты. Остановивший автомобиль патруль предлагает нам выйти на панель, и ехать дальше уже невозможно. Ружейная стрельба здесь как-будто не прекращается.

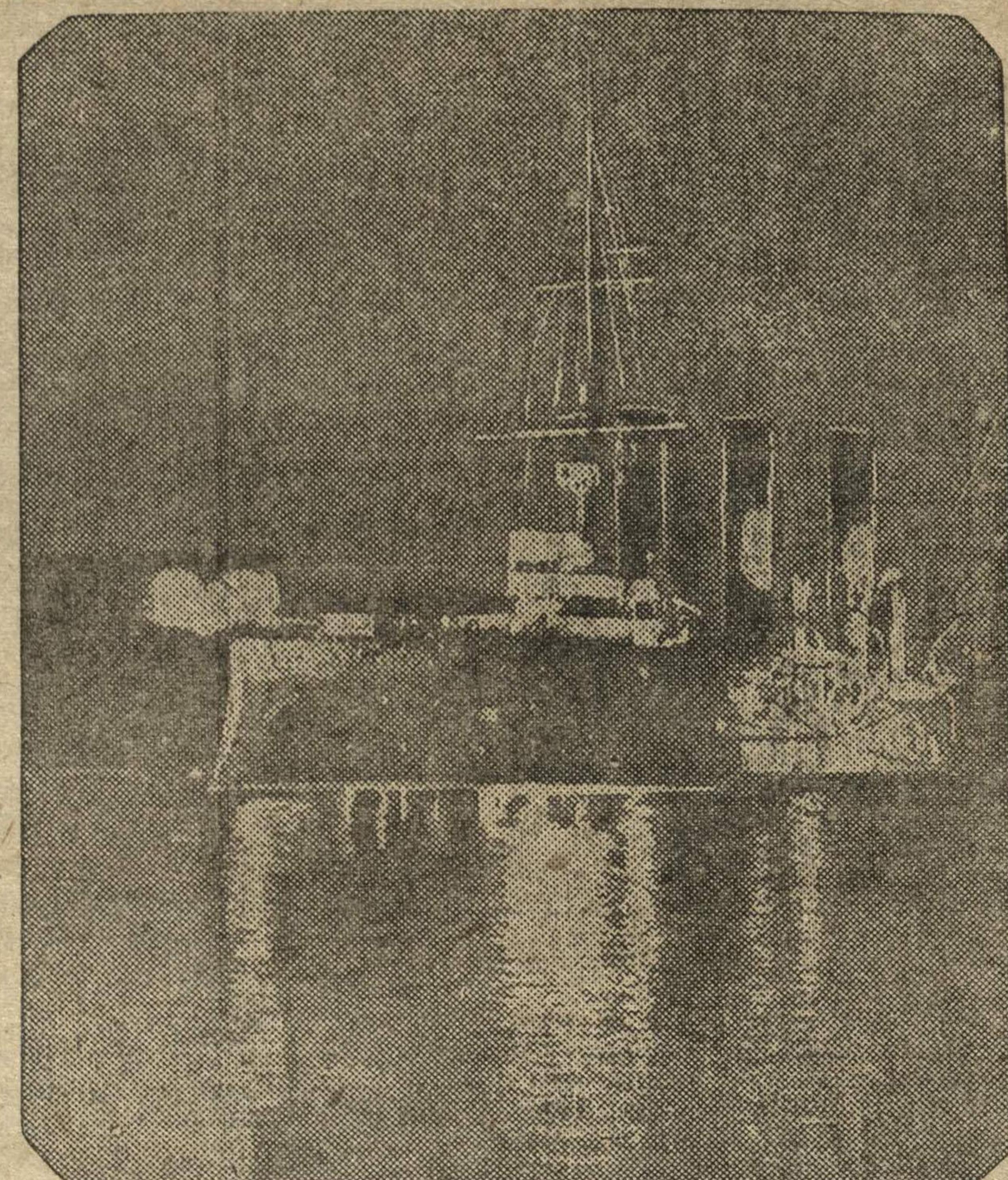
Здесь мы слышим уже не первый удар уханящей пушки с крейсера «Аврора».

Это был момент, когда наша «Аврора» начала обстрел Зимнего дворца из тяжелой артиллерии.

Царский дворец, а затем квартира и база Керенского, столь ненавидимые революционными матросами, уже доживали свои последние минуты.

Однако, попытка уйти от позорного конца была слишком сильна у друзей последней буржуазного правительства, оставшихся в Зимнем.

Выходя из автомобиля, мы спрашиваем начальника патруля. Появляется знакомый мне по револю-

4. Уже прицельные «Авроры» наводили пушки на Зимний.

ционным дням в Петрограде тов. Дацкевич, бодрый, уверенный в себя.

Узнав чего хочет делегация, он предлагает ей итти дальше пешком.

Остался только квартал до площади перед Зимним дворцом. Он предупреждает делегацию, что их попытка вряд ли удастся: на площади перед Зимним дворцом, вокруг памятника колонны, сгруппировалась женская «батальон смерти», и какие-то остатки воинской части, ведущей обстрел всякой фигуры, появляющейся на площа-

ди.

.

Делегация колеблется, итти ли ей дальше. Однако, решается итти. Пока удаляется группа с Шрейдером, тов. Дацкевич объясняет мне, что штаб и военное министерство уже заняты нами, что тов. Подвойский уже там, Зимний дворец уже окружен и ожидается с минуты на минуту его сдача. Жмем друг другу руки, смеемся над делегатами.

Проходит несколько минут, и Шрейдер со своей делегацией возвращается обратно. Смузенный и еще более жалкий, он снова лепечет о благой цели своего посредничества и о том, что теперь они видят бессмыслицу что-нибудь делать:

— «Да, — говорит он, — мы признаем, что попытка наша безуспешна. Нам не удалось пройти к Зимнему дворцу. Всякая попытка выйти на площадь встречается обстрелом с площади от памятника колонны, несмотря на то, что мы давали всяческие знаки белыми платками о желании переговоров и посредничества во имя мира».

Шрейдер, однако, лицемерно борется о своих благих намерениях:

— «Делегация сделала все, что

могла. Делегация снимает с себя ответственность. Делегация вынуждена возвратиться обратно, сообщить думе о своем бессмыслице в деле посредничества...».

Садимся снова в автомобиль и приезжаем к городской думе.

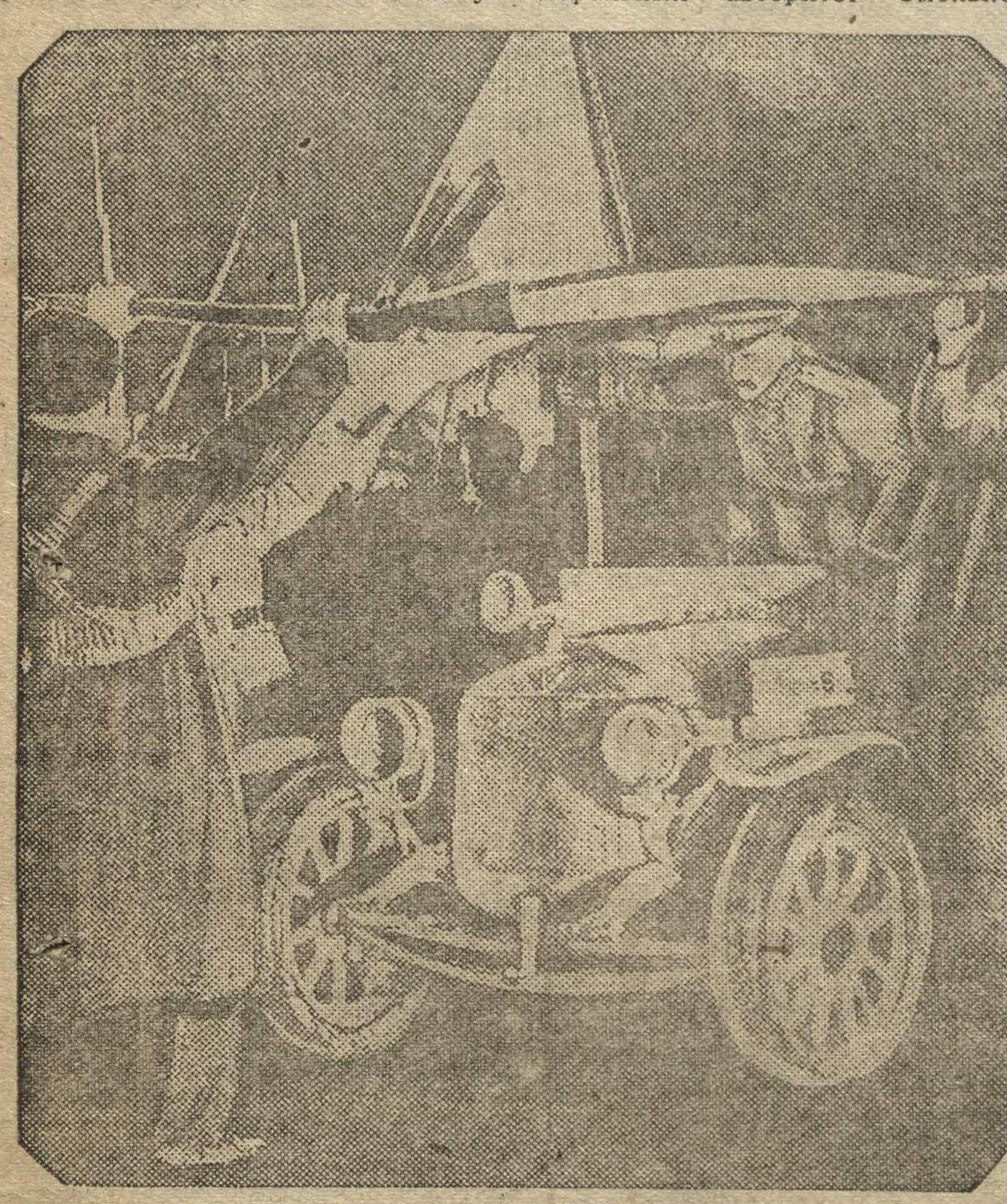
Мне пришлось в этот момент недолго заглянуть в думу для того, чтобы передать в военно-революционный комитет сообщение о результатах, вернее, о безрезультатности поездки. Я вошел в помещение думы вместе с неудачливыми делегатами, на которых на бросилась с жадным любопытством толпа думцев, без конца, но и без всякого толку в этот вечер и ночь заседавших и обсуждавших положение в Петрограде.

Кое-кто из них встречался мне раньше, и теперь в общем гуле яеле разбирал знакомые голоса с какими-то не то восклицаниями, не то проклятиями. Глазами, полными искависти, они провожали меня, проходившего мимо них к телефону. Мне нужны были только одна-две минуты, чтобы сообщить дежурному военно-революционного комитета о моей поездке с неудачливыми «посредниками». Затем я снова отправился в Смольный, где в октябрьские дни многие из нас дневали и ночевали, и где все больше разворачивалась кипучая боевая работа.

Когда я вернулся в Смольный, октябрьское восстание уже прошло через высшую точку своего подъема. Судьба Зимнего дворца уже была решена. «Аврора» крепко ухнула из пушек несколько раз, и Зимний сдался.

Смольный торжествовал победу.

(«ПРАВДА», 7 ноября 1924 г.).

3. Этими днями уже сколачивалась Красная гвардия.

райдет в историю без легенд, без всякой примеси героического элемента, заслоняя декорации «Вампуки» и подлинные личные драмы, и великолепную трагедию русского народа. Немногим лучше была обстановка и в противном лагере: наступление на Петроград войск Краснова, отезд-бегство Керенского, диктатура в Петрограде в лице глубоко мирного человека доктора Н. М. Кишина, паралич штаба Петроградского округа и метание «комитета спасения», рожденного петроградской думой.

Только военная молодежь — офицеры, юнкера, отчасти женщины — в Петрограде и в особенности в Москве — опять устали своими труппами столичные мостовые, без позы и фразы умирали... за правительство, за революцию. Нет. За спасение России.

Генерал А. И. ДЕНИКИН.
(Из сборника «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». — «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». ГИЗ, 1926 г.).

ФРОВЫЕ ОДИ

Бои приближались. События наступали с невероятной быстротой. Дни приходили и уходили. Каждый из них был полон напряженного бытия, величия, тревожного начала.

По городу ползли слухи о революции в Петрограде. Сначала неуверенные, а потом настойчивые и неумолимые, они прокрадывались на заводы, в дымные окраины рабочих предместий, витали в квартирах города, взвинчивали нервы, разжигали страсти.

Нижний пробуждался от тяжелой дремоты. А когда неугомонные сормовичи подняли свои неуемные голоса, город насторожен и ожидал.

Подгоняемые резкими ветрами спешным ритмом упливали облака. И, казалось, что деревья, сбросившие последние листья, простирали им в след оголенные ветви. А ветер стремительно вырывался из их опустошенных крон, чистил по крыши домов, пугался в звенящих тенетах телеграфных проводов и кружился, приветствуя власть наступающей осени.

И вместе с ветрами, как волны, наплывали события.

«Нижегородский листок» и «Волгарь» заполняли свои страницы телеграммами, и нижегородцы, изголодавшиеся по новостям, с жадностью раскупали газеты. Рабочие зачитывались петроградскими событиями. Невидимые нити большевистской агитации оцепили заводы. Сердца рабочих наполнялись горячей ненавистью к речам. Рабочие ждали затаенно, насторожившись.

И нужен был только малейший широкий и гнев рабочих вспыхнул бы, как слежавшийся в бочках пороха.

Вести с фронта действовали угнетающие. Нижегородские капиталисты, наспех подсчитывая свои барыши, в раздумьях покачивали головами, затрудняясь в сумме скрепленных благодеяний. Обыватели, просиживая до полуночи за густым отваром чая, умилялись благородству и щедрости этих благодетелей. Высыпив кипяток до последней капли, забирались в мягкие пуховики.

...А на фронте гибли люди. Снаряды взрывали землю, сметали селения. Тифозные вши разделяли измученные тела солдат. Головы распухали от бредовых дум. В темном переплетении судеб обединились нации. Фронт трещал словно выбкий изнанковый плетеный под настороном бури. Великий час наступал неумолимый и правдивый как закон, выпущенный угнетенным человечеством в течение многих столетий.

26 октября 1917 года «Нижегородский листок» писал:

«В праздник Рождества Христова в течение трех лет настало горячее откликалось на призыв Главного Управления Генерального штаба и щедро одаряло действующую армию подарками. Печальное явление масштабного дезертирства не должно окончательно погасить веру в мощь русского воина. Наряду с малодушными предателями, без боя сдающими врагу свои позиции, живет еще армия, которая, заклеймила презрением постыдных трусов и изменников, предпочитает смерть позорной жизни под пятою победителя...».

Фронт расплывался с ужасающей быстротой. В окопах работали большевики. Агитационные речи бередили нации страдающих сердец. Солдаты тосковали по родным хатам, одиноким семьям, грустили и плакали о близких. В песнях выливалась потрясающей силы боль, обида и жалость.

И этих людей хотели задобрить трофеевыми подарками и трогательными призывами.

...Священный долг, у кого еще теплится искра веры и надежды в стойкость русского солдата, поддержать и укрепить его дух, на деле доказав с какой любовью относится к нему благодарная родина...».

Родина. У них не было родины. Их тела валялись в промозглых

Нижегородский военно-революционный комитет. (Верхний ряд): ИВАН РОМАНОВ, ЯКОВ ВОРОБЬЕВ, САВЕЛЬЕВА. (Нижний ряд): КОСТИН, БИТКЕР, ОСТРОУМОВА, ФЕДОЛИНСКИЙ и ПИСАРЕВ.

окопах Полесья. Их трупы обмывали троливые дожди в Карпатах. Над останками павших в Пруссии воинов завывали чужие ветры. В ненастную испогодь они истлевали у берегов Днестра.

Разве нашлись бы подарки равнодушным страданиям?

Нижегородцы восхищенно перечитывали возвание Генерального Штаба. Мелкие торги внимательно следили за действиями «наших союзников» и в этом предвидели успех военных операций.

ЛОНДОН. 23 октября. Генерал Алленби доносит, что орудия, взятые в Эршебе, достигают 15, кроме того, взято в плен 26 офицеров, из которых 2 батальонных командира».

ПАРИЖ. 22 октября. На фронте ничего выдающегося. В районе Дионкера сброшено несколько бомб. Артиллерийский огонь поддерживается обеими сторонами...».

И ниже этих успокаивающих сообщений, коротких и наивных свидений о боевых «трофеях» звучало как грозное предупреждение правителям воюющих стран.

ЛОНДОН. В рудниках Южного Уэльса против призыва на фронт бастуют 3000 горняков».

А дальше специальный корреспондент «Нижегородского листка» сообщал:

КАЛУГА. Настроение в Калуге продолжает оставаться тревожным. Особенно тревожно в деревнях и уездах, куда в большом количестве с ружьями и бомбами укрылись дезертировавшие солдаты».

Движение началось во всей стране. Оно разрасталось с колосальной быстрой и никакие силы не могли остановить бушующего народного шквала.

И телеграмма министра внутренних дел, полученная в Нижнем Новгороде, звучала воплем безвыходного отчаяния, последним стоноем умирающего класса.

«В виду призыва некоторых лиц и организаций к захвату государственной власти, разъясните населению о недопустимости каких-либо выступлений, особенно в период выборов в Учредительное собрание. Через три недели страна назовет своих избраников и Временное правительство вручит свою власть полномочному органу всего народа. Не поддавайтесь слухам, что в Петрограде неспокойно. Помните, что судьба России зависит от порядка и спокойствия во всей стране».

Министр внутренних дел НИКИТИН.

А в это время, в Петрограде на Свете Республики, начищенный до блеска, временный правитель не-

обыкновенным блеском» заканчивал свою последнюю речь.

— «Высокочтимые и многоуважаемые граждане! Большевики, во главе с Лениным, называют меня узуратором, продавшимся буржуазии...»

Керенский бросал пышными фразами, взывал к справедливости, убеждал, сетовал, как великий трагик в преждевременном увядании своего творчества.

А потом Нижний-Новгород был потрясен известием:

«ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА, СОДЕРЖАНИЕ РЕЧЕЙ ОРАТОРОВ НЕ ПОЛУЧЕНО, ВСЛЕДСТВИЕ ЗАНЯТИЯ БОЛШЕВИКАМИ ТЕЛЕГРАФА».

Вечером в Нижнем, в Кремлевском Дворце Свободы состоялось экстренное заседание Исполнительного Комитета Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов.

В этот же вечер начальник нижегородского гарнизона прaporщик Змиев срочным поездом выехал в Москву.

27 октября гудели колокола. Перед бледными лицами икон мерцали желтоватым пламенем свечи.

Боголюбивые купцы отбивали тяжелые поклоны. Бледнолицые инструмент и целыми толпами уходили из цехов. На улицу, на праздник долгожданного освобождения! На Мызе волновался завод Сименса.

Нижний просыпался в нервном возбуждении. По Большой Покровке двигались вооруженные части Красной гвардии. В их рядах мелькали сияющие лица, присоединившиеся солдат гарнизона. Автомобили, переполненные возбужденными людьми, с бешеной скоростью уходили в Кремль, где в тревожном безмолвии выстроились отдельные войсковые части.

На здании Дворца Свободы пламенел огромный плакат:

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

Возбуждение росло. Члены революционного комитета — Романов, Краевский и Федоровский кружились в самом пекле страстей.

Яков Воробьев, верный солдат революции, послевал всходу. Он захватил типографию «Нижегородского листка» и он же, сдерживая накипевшую ярость, продиктовал издателю «Волгаря» приказ председателя военно-революционного комитета Романова о прекращении

большой группой людей ворвался Михаил Фролов.

Безмятежный сон прaporщика был еще полон столичных видений. Он крепко спал, по-детски оттопырив выбритую до синевы губу. И когда его жена, увидав вооруженных людей, испуганно вскрикнула, он недоуменно открыл глаза и вскочил. Его рука метнулась к столу за гранатой.

Белоснежная сорочка прaporщика расплывалась от цепкой хватки пальцев Фролова. Голова до боли в шейных позвонках запрокинулась назад и затравленный взгляд разгоряченных глаз столкнулся с хладным дулом маузера.

— Наша власть!

В это время за Окой предрасветную тишину будоражили колонны молитовских рабочих. Вооруженные, с красными повязками, они двигались в Канавино. Казалось, что улицы прогибались от грохота нарастающих шагов. В песнях клокотала несокрушимая сила. Колонны шли твердые, решительные.

А когда к ним примкнули толпы всоруженных сормовичей, ликующие крики слились в могучий, неудержимый гул.

Над заводами Набольца и Фельзера звучали тревожные гудки. Рабочие покидали станки, бросали инструмент и целыми толпами уходили из цехов. На улицу, на праздник долгожданного освобождения! На Мызе волновался завод Сименса.

Нижний просыпался в нервном возбуждении. По Большой Покровке двигались вооруженные части Красной гвардии. В их рядах мелькали сияющие лица, присоединившиеся солдат гарнизона. Автомобили, переполненные возбужденными людьми, с бешеной скоростью уходили в Кремль, где в тревожном безмолвии выстроились отдельные войсковые части.

На здании Дворца Свободы пламенел огромный плакат:

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

Возбуждение росло. Члены революционного комитета — Романов, Краевский и Федоровский кружились в самом пекле страстей.

Яков Воробьев, верный солдат революции, послевал всходу. Он захватил типографию «Нижегородского листка» и он же, сдерживая накипевшую ярость, продиктовал издателю «Волгаря» приказ председателя военно-революционного комитета Романова о прекращении

выпуска газет. А когда издатель заупрямился, Воробьев показал ему тяжелый наган, как наиболее убедительный мандат полномочия революционной власти.

Городская дума требовала освободить начальника гарнизона Змиева, по городу ползли темные слухи о большевистских грабежах, о незаконных арестах высокопоставленных лиц и притеснения граждан.

На Нижнем базаре, на Миллионке, на Балчуге, в самом центре обиталища пропившихся дворян, авантюристов и неизвестных князей и баронетов, уголовников и воров назревали погромные настроения.

Триста юнкеров, имеющие в своем распоряжении арсенал, колебались в опасном раздумье. И большевики, захватившие власть без боя, подошли вплотную к кровавым событиям. Их нужно было избежать. И тогда Яков Воробьев с 20 красногвардейцами, с отчаянной решимостью ворвался в училище к юнкерам.

Это была смелость беззаветной преданности революции. На это был способен только он — Яков Воробьев, в ком каждый нерв был насыщен борьбой и бесстрашием.

Юнкера, растерявшиеся от неожиданности, сдались без единого выстрела. Потом он захватил банк, казначейство и целый ряд других учреждений, нужных для укрепления власти.

Власть большевиков крепла с каждым днем.

В деревнях полыхали пожары. Революция застала крестьян в самый разгар клокочущего гнева, когда их думы были напряжены до боли.

По их землям разгуливали казачьи отряды карателей. Окрапленные духом помещики тешились над бессиленем хлеборобов, мстили за принесенные им убытки. Крестьяне терпели. В этом терпении таилось что-то зловеще-угрожающее. Казалось, они чувствовали болеющимнутром о приближении великого часа расплаты.

Он близился. Он надвигался гигантскими шагами. Он затаялся у оконец. Его последние минуты заканчивали свой бег у порога крестьянских хат.

И как только вести о перевороте дошли до деревень, чаша терпения разлетелась вдребезги и гнев крестьян выплонился за края. Сердца ожали от томительного торжества. Думы взлетели словно освобожденные из сетей птицы и мечты крестьян обрушились на угнетателей с внезапностью смерти.

На Бору, в Кантаурове, в Лыскове, в Сергаче поднимались толпы. Помещики усадьбы запыльяли ярко, как в непроглядную теменьчины громадные костры.

В Ардатовском уезде, на заводах Лыскова разбивали спиртные склады, крестьяне жгли хмельную отраву, которой помещики в трудную и благоприятную минуты огнивали их на смерть.

Они не тащили, не грабили, а просто расшибали, рвали на куски, превращали в пепел для того, чтобы не видеть этого обилия добра, созданного их трудом и кровью.

А земля, разрыхлевшая от дождей, оживала и ширилась безграничным простором. Она отдавала себя в руки трудолюбивых хлеборобов, способных любить ее и боречь, как самое драгоценное сокровище.

Д. С. СЕРГЕЕВ.

Отв. редактор Д. С. ЛУКИН.
Издатель: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА».